

«Жизнь в этом мире подобна нахождению в терновом лесу. Если сердце не движется, человек не совершает беспорядочных действий, и тогда он не будет ранен. Если же сердце движется, человек совершает беспорядочные действия, и тогда он ранит своё тело и терзает свои кости, в конечном итоге испытывая всевозможные страдания мира», — вздохнул собеседник. — Принцип этот верен, но управлять другими легко, а удерживать своё сердце — трудно. Не говоря уже о том, чтобы прочесть несколько дней буддийских сутр, даже монахи, практикующие всю жизнь, редко могут достичь состояния, когда их сердце не движется и не порождает мыслей.

— Если патриарх Чи не может удержать своё сердце, отпустите его. Время для обретения просветления ещё не пришло, и чем больше вы сдерживаете себя, тем больше страдаете.

Чи Юэ в душе выругался.

Он был демоном, и если бы не зловредный паразит, зачем бы он сдерживал себя? Но как он, даже будучи наглецом, может сказать монаху, что хочет заняться любовью с женой, но не может?

В душе он копил злость, как вдруг услышал шум снаружи и тут же холодно крикнул:

— Кто там шляется?!

Бамбуковая дверь гостевой комнаты с шумом распахнулась, и Янь Були, подбоченившись, уставился на него:

— Не знаю, кто тут шляется, но патриарх, вы меня изрядно поискали...

Чи Юэ, увидев его, вздрогнул и тут же отвернулся, начав читать сутры.

Амитофо, это его «беспорядочные мысли» пришли... Старый монах, проявив такт, встал и, сложив ладони, попрощался.

Увидев, что Чи Юэ отвернулся и не обращает на него внимания, Янь Були, рассерженно опустившись на колени на циновку, скрипел зубами:

— Патриарх, вы что, решили поститься, читать сутры и постричься в монахи?

Чи Юэ продолжал сидеть с закрытыми глазами:

— Форма не отличается от пустоты, пустота не отличается от формы. Форма есть пустота, пустота есть форма. Чувства, мысли, действия, сознание — всё это также...

Чёрт возьми, он что, считает меня воздухом? Янь Були подполз к нему и начал трясти его за плечи:

— Ты откроешь глаза и скажешь что-нибудь?

— Если есть дело, говори, я слушаю, — ответил тот, открыв глаза и тут же снова закрыв их.

— Почему ты всё время избегаешь меня? Я же тебя не съем.

Чи Юэ в душе пролил реки слёз: «Но я хочу съесть тебя...»

Янь Були, оглядев его с ног до головы, не удержался и предположил:

— Ты что... импотент?

— Чушь.

— Не верю, надо проверить.

С этими словами он протянул лапу и начал расстёгивать воротник Чи Юэ.

— Не дури!

— Если не дашь проверить, я пойду проверять кого-нибудь другого!

— Ты?! Эх, ты, потише... Осторожнее с ребёнком...

За дверью обители Бяньчжай двое учеников, увидев, что мастер Ху Яо вышел, поспешили к нему:

— Учитель, только что одна женщина пыталась прорваться внутрь...

— Я знаю, на пути к сутрам много испытаний, всегда найдётся демон, который захочет съесть мясо Тан Саньцзана.

— Почему же учитель не остановил её?

— Зачем останавливать? — улыбнулся старый монах. — Тан Саньцзан тоже хочет съесть мясо демона.

Март, время цветения и роста трав. В глубине ущелья бирюзовые воды озера отражают солнце. В гуще леса, словно снег, лежат белые цветы. Снова наступило время цветения груш.

«Белый шёлк без узоров, как серебряный закат, тысячи тычинок, окрашенных в ароматный песок. Небесная красота, чистая и возвышенная, словно богиня с горы Гуйе».

Среди цветочного моря, похожего на снег, женщина в лёгком халате стояла среди деревьев, одной рукой поддерживая округлившийся живот, а другой держа ветку груши, чистой, как яшму, и кивнула пёстрой большой попугаю на ветке:

— Быстро учи! Если выучишь, получишь рыбку.

Сяньхуань, вращая маленькие круглые глазки, закричал:

— Цветок, цветок, цветок!

— Ладно, это слишком сложно, давай другую, — вздохнул Янь Були, потирая лоб. — В полдень крестьянин копает землю, пот капает на почву.

— День, день, день!

— Две жёлтые иволги поют на зелёной иве, стая белых цапель поднимается в небо.

— Вверх, вверх, вверх!

— Ёлки-палки.

— Ёлки, ёлки, ёлки...

— Замолчи, тварь!

— Тварь, тварь, тварь...

Янь Були, разозлившись, швырнул ветку на землю и наконец понял, почему Цзян Мочоу кормила его баданом, дёргала за хвост и запирала в чулане...

Будь он на её месте, он бы уже давно сварил этого похабного попугая!

Сяньхуань, размахивая большими зелёными крыльями, взлетел с ветки и начал кружить над головой Янь Були, продолжая кричать:

— Тварь, тварь, тварь!

Янь Були, подняв голову и поддерживая поясницу, указал на небо и закричал:

— Проклятая птица, попробуй спустись!

Попугай презрительно посмотрел на него, явно намекая: «Попробуй подняться».

— Эй, летать — это что, круто?! — Янь Були закатал рукава. — Я раньше тоже умел, просто сейчас с грузом неудобно, иначе бы я тебя в миг приструнил.

Попугай странно закричал, поднял хвост, и тёплый птичий помёт упал с неба.

— Чёрт, ещё и метательное оружие!

Беременный мужчина испугался и нырнул в лес, едва избежав позора, но неудачно наступил на змею, которая только что проснулась от зимней спячки и вышла погулять погреться на солнце...

Змея оглянулась и увидела, что её хвостик расплющен, и заплакала.

Чёрт, как теперь жить в мире рептилий? Чем соблазнять самок? Сестра, ты не могла бы поднять ногу? Моё сердце разрывается, понимаешь?!

Однако Янь Були всё ещё был сосредоточен на небе и не заметил трагедии под ногами, лишь почувствовал боль в ноге и, опустив взгляд, увидел, что его укусила змея.

— Чёрт, неужели мне так не повезло?!

Он испугался, едва удержавшись на ногах, опершись на дерево, но всё же сел, держась за рану.

Чёрт, эта змея выглядела ужасно, может, она ядовитая? Я что, умру? Чи, старый демон, куда ты пропал...

Янь Були, полный тревоги и страха, прислонился к дереву, яркий солнечный свет пробивался сквозь переплетённые ветви, освещая его лицо, покрытое слезами, пятнами и тенями.

На девяносто второй день после переезда сюда он впервые заплакал.

В ту ночь на праздник Юаньсяо, хотя тот человек изо всех сил старался скрыть это, он

чувствовал, как тот, кто был на нём, дышал неровно, пот лился градом, и всё это время он что-то сдерживал.

После настойчивых вопросов тот лишь отмахнулся, сказав, что произошёл сбой в практике, и демон сердца стал препятствием, поэтому близость была нежелательна. Это объяснение было весьма натянутым, но Янь Були не был женщиной, и если Чи Юэ не хотел говорить, он не настаивал.

После возвращения из Бяньчжая они всё реже виделись. Чи Юэ всегда был как дракон, появляющийся и исчезающий, хотя они жили под одной крышей, это было похоже на жизнь врозь. Пока однажды дракон наконец не появился во всей красе, но лишь для того, чтобы отправить его в ущелье, сказав, что это для безопасности.

В деревянном доме у бирюзового озера многое изменилось. Сломанная кровать была заменена на железную, предметы обихода были добавлены, всё было на месте, но всё же было одиноко.

К счастью, рядом был болтливый попугай, который щебетал, и, привыкнув, время летело незаметно.

За три месяца Чи Юэ ни разу не появился, каждый день приносил еду и через окно спрашивал:

— Как еда? Как спишь? Чего-то не хватает?

Янь Були тоже отвечал:

— Еда хорошая, сплю крепко, ничего не нужно.

Только тебя не хватает.

Только компании не хватает.

Только объяснения не хватает.

Поэтому я тебя никогда не прощу.

В Чертоге Жёлтых Источников собрались высшие чины. Чи Юэ сидел в зале, закрыв глаза, и слушал доклад главы Отдела Ветра.

Южные пустоши, где Учение Демонов начало возрождаться в последние месяцы, хозяин острова Нанья снова спрашивает о Жемчужине крови феникса, Линь Цзыюй, покинув Секту Врат Преисподней, не вернулся в Северное Шу, а отправился в Цзянлин, за пределами

Северных земель собралось множество вооружённых людей...

В этом мире не было ни одного дня, который бы не заставлял его волноваться.

Конечно, больше всего он волновался за того, кого спрятал в деревянном доме.

— Патриарх, предатель Хэ Буцзуй тоже появился в Цзянлине, неизвестно, что он замышляет с последователями Праведного пути, нужно ли нам продолжать слежку?

— Пока просто наблюдайте, это сборище неудачников, кроме покушений ничего путного не сделают, — не открывая глаз, сказал Чи Юэ. — Ху Чэдань, обрати внимание на усиление защиты внутри секты, если будет ещё один прокол, ты сам повесишься на ветке.

— Да, патриарх, я исполню приказ!

Ху Чэдань, содрогнувшись, ответил, а затем спросил:

— Патриарх, мадам всё ещё в Чертоге Жёлтых Источников? Нужно ли организовать дополнительную охрану?

— Не беспокойся о ней, охрана Чертога остаётся прежней.

— Да...

— Тварь, тварь, тварь!

Странный крик внезапно раздался, и все ученики вздрогнули: «Боже мой! Кто это такой смелый?»

Чи Юэ открыл глаза и увидел большого пёстрого попугая с белой головой и зелёными перьями, кружащегося под потолком зала.

Все замерли, переживая за эту дерзкую птицу... Если повара поспешат, то к обеду можно будет попробовать жареного попугая.

Как Сяньхуань сюда залетел? За кем из воронов Чертога он увязался? Чи Юэ слегка нахмурился. Янь Були уже давно в ущелье, неужели он не смог научить эту птицу чему-нибудь хорошему?